

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ» (СПбГУ)**

Выпускная квалификационная работа на тему:

***ДЕТСКИЕ ДНЕВНИКИ
ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК***

**по направлению подготовки: 030600 *История*
образовательная программа бакалавриата: *История*
профиль: *Отечественная история***

**Выполнила:
студентка IV курса
дневного отделения
Пестравская Полина Анатольевна**

**Научный руководитель:
д.и.н., профессор
Вахромеева Оксана Борисовна**

Санкт-Петербург

2017

Содержание

Введение	3
Глава I. Особенности детского восприятия событий военного времени	13
1.1. Детские дневники как исторический источник	13
1.2. Мотивы ведения детских дневников	17
Глава II. Тематический анализ и сравнение детских дневников военного времени	24
2.1. Анализ и оценка военных действий	24
2.2. Немецкая оккупация глазами детей	34
2.3. Трудовая деятельность детей и взрослых в условиях военного времени	41
Заключение	48
Список использованных источников и литературы	51
Приложение	54

Введение

Актуальность темы. В начале XXI в. отношение мирового сообщества к драматическим и трагическим событиям прошлых лет всё больше приобретает обостренный характер. Новые поколения людей каждый раз задаются различными вопросами о Второй мировой войне, пытаются ответить на них, воссоздать картины минувшего (например, до сих пор существует актуальная проблема пересмотра итогов Второй мировой войны и роли в ней Советского Союза). Во многом этому способствует публикация исторических источников, в том числе в электронном виде, усилившаяся после подготовки и проведения 70-летней годовщины Великой Победы в 2010-х гг. Крайне важно изучать всё это многообразие источников, выверяя исторические факты, и, воссоздавая объективную картину истории прошлого. Чем многочисленней и разнообразней исторические источники, свидетельствующие о событиях Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.), тем больше объективности в оценке прошлого, а значит и на разрешение проблемы ответственности в исследованиях, на восстановление исторической справедливости.

В этой связи обращает на себя внимание объёмная работа по созданию «Книги Памяти», проделанная нашими соотечественниками автономно и организовано различными категориями граждан и организаций по случаю празднования 70-летия Великой Победы¹.

Центральное место среди исторических источников принадлежит дневниковому наследию военных лет. Дневники и другие источники личного происхождения «обычных» людей, «среднестатистических» советских граждан, относящиеся к периоду Великой Отечественной войны, определяются как малочисленная группа источников. Если дневниковые записи видных общественно-политических деятелей, писателей, учёных широко известны, то внимание к дневникам детей и подростков — явление последнего времени.

¹ Книга памяти [по годам]. Народная летопись Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.) — <http://www.patriot-izdat.ru/memory/> (Дата обращения 25.10.2016).

Важнейшим опубликованным источником, раскрывающим детское восприятие событий военных лет, является «Детская книга войны — Дневники 1941-1945 гг.»²

Представленные в архивах России дневники уступают в количественном отношении такому ценному массовому историческому источнику как письма военных лет. Но в отличие от них они освещают более широкий спектр жизни военного времени. Отличаясь по своему функциональному назначению от всех других источников личного происхождения, дневники обладают многообразным, уникальным потенциалом.

Говоря об актуальности темы Выпускной квалификационной работы, следует отметить, что ведение дневников детьми во времена Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.) являлось одним из психологических средств преодоления жизненных трудностей, которые несла с собой та война. По тематике сюжетов, передающих настроения и жизненные ситуации подростка военного времени, обилию подробностей и затрагиваемых тем, дневники являются ценным, практически незаменимым историческим источником. В то же время потенциал этого источника в воссоздании фронтовой и тыловой повседневности до сих пор недостаточно использован исследователями.

Целью исследования является изучение детских дневников периода Великой Отечественной войны. Были рассмотрены дневники и дневниковые записи следующих детей: Люси Хордикайнен, Гали Зимницкой, Зои Хабаровой, Ромы Кравченко-Бережного, Ани Арацкой, Володи Чивилихина и Владика Бердникова — как исторические источники, раскрывающие, помимо описания событий военного периода, восприятие детей военного времени. Настоящая выборка детских дневников была осуществлена, исходя из территориального принципа: было важно охватить различные регионы

² Детская книга войны — Дневники 1941-1945. М.: «Аргументы и факты», «АиФ. Доброе сердце», 2015. — 480 с.

Советского Союза; возрастных границ: авторами дневников являлись мальчики и девочки подросткового возраста.

Исходя из указанной цели, в работе были поставлены и решены **следующие задачи**:

1. Проанализирована тематика дневников детей.
2. Сопоставлены детские дневники военного времени, авторами которых были Люся Хордикайнен, Галя Зимницкая, Зоя Хабарова, Рома Кравченко-Бережной, Аня Арацкая, Володя Чивилихин и Владик Бердников.
3. Произведено сравнение описываемых событий с точки зрения территориального расположения авторов дневников и нахождения немецких захватчиков на территориях Советского Союза.
4. Охарактеризована восприимчивость детской памяти к событиям Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.).
5. Выявлены индивидуальные особенности восприятия детьми происходивших событий в зависимости от возраста и окружающей среды.

Объектом Выпускной квалификационной работы являются тексты дневников — Люси Хордикайнен, Гали Зимницкой, Зои Хабаровой, Ромы Кравченко-Бережного, Ани Арацкой, Володи Чивилихина и Владика Бердникова. **Субъектом** работы – личность их авторов.

Территориальные рамки Выпускной квалификационной работы обширны, что связано с географией расселения авторов дневников; дети проживали в Пушкине — Гатчине — Эстонии (Л. Хордикайнен), Ленинграде (Г. Зимницкая), Кременце (Р. Кравченко-Бережной), Сталинграде (А. Арацкая), Тайге (Сибирь) (В. Чивилихин), Перми (В. Бердников) и в Крыму (Ялте, Севастополе) (З. Хабарова).

Хронологические границы исследования охватывают период Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.), в период, когда были написаны рассмотренные источники.

Новизна исследования заключается в рассмотрении комплекса мотивов детских дневников периода Великой Отечественной войны,

позволяющих приблизиться к пониманию реалий военного времени посредством малоизученного исторического источника.

Практическая значимость. Изучение детских дневников военного времени как исторического источника должно способствовать восстановлению более полной, детальной картины событий военного времени не только на оккупированных территориях или при условии экономической и политической блокады, но и в тыловых регионах. Исследование также способствует созданию картины восприятия населением военного времени тех событий в зависимости от близости к линии фронта.

Автор работы имеет апробацию данной темы в виде выступлений на четырёх научно-исследовательских и научно-практических конференциях: «Ноябрьские чтения-2015» (СПбГУ, 20 ноября 2015 г.), «Россия и мир: опыт взаимодействия национальных культур» (СПбГУ, 28 декабря 2015 г.), «Историческая ответственность: от мифов прошлого к стратегиям будущего» (УрФУ, 22-23 сентября 2016 г.), «Ноябрьские чтения-2016» (СПбГУ, 26 ноября 2016 г.).

Выпускная квалификационная работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованных источников и литературы, а также *Приложения*.

Структура работы. Первая глава под названием «Особенности детского восприятия событий военного времени» включает в себя два параграфа: «Детские дневники как исторический источник» и «Мотивы ведения дневников»; она посвящена анализу данного вида источника личного происхождения, а также побудительных стимулов детей, которые писали свои записки, заметки, вели дневник в условиях военного времени. Были рассмотрены в той или иной полноте следующие мотивы: дневник как «лучший друг», изливание личных чувств, одиночество и ощущение нехватки родительской любви, отсутствие друзей-ровесников, подражание литературным героям.

Вторая глава «Тематический анализ и сравнение детских дневников военного времени», состоящая из трёх параграфов («Анализ и оценка

военных действий», «Немецкая оккупация глазами детей» «Трудовая деятельность детей и взрослых в условиях военного времени») раскрывает названную проблематику, главным образом, останавливаясь на анализе и сравнении описываемых событий глазами детей.

Историография вопроса. Изучение человека и его поведения в экстремальных условиях военного времени происходит в контексте таких исследовательских направлений, как социальная история, микроистория, гендерная история и военно-историческая антропология. Каждое направление представлено отдельной группой исследователей, которые изучают, как фактический материал, так и теоретический³. Имеет место постоянное обновление методологии и методик исследований, связанное с введением новых опубликованных источников.

По мнению исследователя Н.Л. Пушкарёвой, детские дневники периода Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.) подпадают под ту область человеческого восприятия, которая повествует о сфере человеческой обыденности в её историко-культурных контекстах⁴. В этом плане необходимо фокусировать внимание на комплексном исследовании жизненного мира людей разных социальных слоёв, их поведения и эмоциональных реакций на непредвиденные военные события, как пишет историк Е.С. Сенявская⁵. Эту вынужденную повседневность нельзя назвать обыденной или привычной, поэтому данный вопрос столь важен для изучения.

По мнению В.С. Голубцова, мемуарные источники служат единственным свидетельством по вопросам духовного мира людей. Это позволяет представить события как результат человеческой деятельности,

³ Дети войны. Народная книга памяти / Под ред. В. Шервуда — <http://coollib.net/b/311993>. (Дата обращения 25.03.2017).

⁴ Пушкарева Н.Л. История повседневностей и микроистория / Теория и методология истории: учебник для вузов / Отв. ред. В.В. Алексеев, Н.Н. Крадин, А.В. Коротаев, Л.Е. Гринин. Волгоград: Учитель, 2014. С.312.

⁵ Сенявская Е.С. Фронтовое поколение: 1941-1945 гг. / Историко-психологическое исследование. М.: Изд-во ИРАН, 1995. С.32

уяснить, почему историческое событие приняло именно тот или иной поворот⁶.

В чрезвычайной ситуации становится незначительно всё, что заполняет человеческую жизнь в её повседневности, индивид непринужденно открывает свою сущность, начинает по-другому смотреть на себя и на окружающую действительность: открывается подлинное значение его существования. На данные размышления наводит другая работа Е.С. Сенявской⁷.

Исследователь источников личного происхождения периода Великой Отечественной войны Тажидинова И.Г. в своей статье считает, что гуманитарное знание в широком смысле слова позволяет объяснить модель поведения советского человека на войне⁸. Людей, в том числе и детей, заранее приготавливали насильственными и идеологическими мерами к войне на чужой территории. «В связи с этим, — пишет генерал П.Л. Печерица, — мирились со многими лишениями и недостатками в своей повседневной жизни»⁹.

Е.С. Сенявская справедливо отмечает в своих работах, что внутренняя готовность к войне, ожидание новой войны как скорой и неизбежной воспитывались и в подрастающих поколениях, родившихся в межвоенный период¹⁰.

Также в последние годы появились диссертационные исследования, подвергающие всестороннему анализу детские дневники военного периода.

⁶ Голубцов В.С. Дневники, воспоминания, переписка // Источниковедение истории СССР. М., 1973. С. 523.

⁷ Она же. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М.: Изд-во РОССПЭН, 1999. С.123.

⁸ Герои терпения. Великая Отечественная война в источниках личного происхождения: сб. документов / Ред.-сост. И.Г. Тажидинова. Краснодар: Изд-во «Диапазон-В», 2010. – С. 95.

⁹ Там же. С.96.

¹⁰ Сенявская Е.С. Человек на войне / Историко-психологические очерки. М.: Изд-во ИРАН, 1997. С. 156.

Среди прочих выделяется работа И.В. Ребровой. По её мнению, дети призваны показать Великую войну на уровне микроистории, помочь людям, пережившим войну, и их потомкам лучше понять и историю, и себя¹¹.

Отдельно следует выделить региональные группы исследователей, которые обращаются к теме детских дневников военного времени, раскрывая её на источниках местных архивохранилищ. Региональных центров довольно много; среди них выделяется Таганрогский институт имени А.П. Чехова, где работает ряд историков, изучающих в том числе и мотивы написания дневников.

Историк Н.О. Фурсина справедливо считает источники личного происхождения, а именно детские дневники «единственным в своём роде источником, который менее всего изучен, и, который ждёт ретрансляции в социальную память о войне»¹².

Исследовательская группа (В.А. Агеева, А.А. Волвенко) сделали попытку в своей статье «раскрыть жизненную практику молодого поколения (нормы, девиации, героизм, подвиг и просто «обыденность» бытия милитаризованного пространства)¹³.

В этих работах мотивы написания дневников детьми отдельно не рассматриваются, хотя определённо упоминаются. Следует выделить ещё одного представителя «таганрогской» школы Д.А. Никадимова, который обстоятельно изучил образовательный мотив на страницах дневников¹⁴.

¹¹ Реброва И.В. Великая Отечественная война в мемуарах: историко-психологический аспект (на материалах Краснодарского края) / Автореферат на соискание учёной степени кандидата исторических наук. СПб.: СПбГТУ. С.3.

¹² Фурсина Н.О. Практика устной истории: детские воспоминания о Великой Отечественной войне // Вестник Таганрогского института имени А.П. Чехова. 2016. №1. С.280.

¹³ Агеева В.А. Волвенко А.А. Война и судьбы детей: по страницам личного дневника военного времени М.Е. Галах-Муравьёвой // Там же. 2014. № 2. С. 325.

¹⁴ Никадимов Д.А. Образовательная политика немецких оккупантов на юге РСФСР в годы Великой Отечественной войны: современная историография // Там же. 2016. № 2. С. 229.

Источниковая база исследования представлена материалами личного архива Ю.А. Кривулиной (ур. Хордикайнен), Санкт-Петербург (с 1922 г. по настоящее время), 504 ед. хр.; а также непосредственно её детскими дневниками периода Великой Отечественной войны. В работе были использованы материалы интервью с С.А. Хордикайнен (сестрой Ю.А. Кривулиной), проводившееся автором Выпускной квалификационной работы 8 декабря 2016 г. в Санкт-Петербурге. Интервью помещено в *Приложение* к работе.

Архив Юлии Александровны Кривулиной обширен; содержит различные группы исторических документов, раскрывающих, прежде всего, историю семьи Хордикайнен — Кривулиных — Нуриджановых. Для Выпускной квалификационной работы были изучены материалы, касающиеся детского дневника периода Великой Отечественной войны¹⁵ и ряд биографических материалов. Большая их часть вошла в публикацию, о которой речь идет ниже, однако, знакомство с материалами архива даёт возможность представить более подробно процессы создания дневника и его подготовки к печати. Кроме того, лишь материалы личного архива демонстрируют особую значимость детского дневника и взаимосвязь источника и его автора¹⁶.

В материалах интервью с С.А. Нуриджановой были найдены ответы на ряд вопросов, позволивших выяснить индивидуальные особенности восприятия Люси Хордикайнен происходивших событий¹⁷.

Цитирование из источников личного происхождения в тексте работы сделаны курсивом, прежде всего потому что это позволяет акцентировать внимание на наиболее значимых вопросах и темах.

Дневник Люси Хордикайнен, изданный в 2006 г. и переизданный в 2011 г., включает в себя 148 страниц — записей девочки 12-17 лет о нелегкой

¹⁵ Личный архив Ю.А. Кривулиной. Д. Дневник Люси Хордикайнен. Л.1-89.

¹⁶ Там же. Д. Записная книжка С. А. Нуриджановой, сестры С.А. Кривулиной. Л.1-78.

¹⁷ Интервью с С.А. Нуриджановой. 8 декабря 2016 г., Санкт-Петербург. Л. 1-3.

оккупационной судьбе¹⁸. Воспоминания написаны на дореволюционной тонкой и плотной бумаге в широкую линейку, это часть какой-то более толстой тетради. Железных скреп нет, а на их месте — расплывшиеся ржавые пятна, обложки нет.

Дневник Гали Зимницкой, изданный в 2012 г., включает в себя 32 страницы-записей девочки 13-16 лет о тяжелых блокадных днях¹⁹. Сам дневник не сохранился: из «блокадной» квартиры семья выехала сразу же после войны, затем было ещё много переездов, и тетрадь с записями затерялась. Галина Карловна (героиня дневника) восстанавливала её уже в мирное время, по памяти, сверяя вехи своей личной истории по датам исторических сражений.

Дневник Зои Хабаровой, изданный в 2003 г., включает в себя 20 страниц — записей девочки 14-17 лет об оккупационной Украине²⁰. Зоя прятала дневник от родителей и не видела в нем особой исторической важности. Уже в 2000-е гг. она с помощью знакомых набрала текст на компьютере, но все же героиня страницы дневника выбросила. Уцелела одна: сейчас она в Керченском музее.

Дневник Ромы Кравченко-Бережного включает в себя 22 страницы-записей мальчика 15-18 лет, по большей части, об еврейских гонениях и тяготах жизни²¹. Роман Александрович в 2008 г. положил эти дневниковые записи в основу своей книги: «Между белым и красным: стоп-кадры моего XX века».

Дневник Ани Арацкой, хранящийся в музее-заповеднике «Сталинградская битва» в г. Волгоград, включает в себя 20 страниц-записей

¹⁸ Жизнь в оккупации. Пушкин. Гатчина. Эстония. Дневник Люси Хордикайнен (подготовка текста, предисловие, комментарии, примечания С.А. Нуриджановой (Хордикайнен)). СПб.: СПбГУ, 2006. С.8.

¹⁹ Дневник Гали Зимницкой / Детская книга войны — Дневники 1941-1945. М.: «Аргументы и факты», «АиФ. Доброе сердце», 2015. С.89-120.

²⁰ Дневник Зои Хабаровой / Там же. С.371-406.

²¹ Дневник Рома Кравченко-Бережной / Там же. С.329-350.

девочки 16 лет, прожившей долгое время в окопе под артобстрелом, а затем скитавшейся в поисках укрытия²².

Дневник Володи Чивилихина, изданный в 2009 г., включает в себя 14 страниц-записей мальчика 14-18 лет, который описывает свое видение жизни в отдаленности от фронта²³.

Дневник Владика Бердникова, хранящийся в личном архиве Владислава Бердникова в Перми, был опубликован в 2015 г.²⁴ Воспоминания мальчика 12 лет похожи на альбом, в котором записи сменяются рисунками или вырезками из календаря; тут же куплеты и лозунги: «За Родину! За Сталина!»

²² Дневник Ани Арацкой / Там же. С.351-370.

²³ Дневник Володи Чивилихина / Там же. С.429-442.

²⁴ Дневник Владика Бердникова / Там же. С.465-470.

Глава I. Особенности детского восприятия событий военного времени.

1.1. Детские дневники как исторический источник

Центральное место в круге исторических источников по теме принадлежит дневниковому наследию. Дневники обычных людей, «среднестатистических» советских граждан, относящиеся к периоду Великой Отечественной войны, определяются как малочисленная группа источников. Если дневниковые записи видных общественно-политических деятелей, писателей, ученых известны давно, то внимание к дневникам простых соотечественников — явление последнего времени. Представленные в архивах России буквально единично, а в лучшем случае — десятками, дневники уступают в количественном отношении такому ценному массовому историческому источнику как письма военных лет. Но, в отличие от последних, не обреченные на прохождение сквозь «сито» военной цензуры, дневники освещают широкий спектр настроений и жизненных ситуаций, хорошо отражают динамику событий и личных переживаний. Отличаясь по своему функциональному назначению от всех других источников личного происхождения, дневники обладают многообразным, уникальным потенциалом, поскольку в годы войны они выполняли множество функций, главными из которых являлись фиксация важных для автора событий, впечатлений, фактов, а также его эмоциональная разрядка²⁵.

Источникам личного происхождения и дневникам, в частности, всегда уделяется особое место в изучении различных аспектов Великой Отечественной войны. Так, рассматривая информационное сопротивление в блокадном Ленинграде потомственный историк, д.и.н. А.В. Кутузов выделяет все существующие группы дневников, кроме дневниковых записей детей, поскольку данный источник мог повлиять на исход сопротивления в

²⁵ Пестравская П.А. Проблема исторической ответственности исследователя в изучении детских дневниковых записей периода ВОВ (на материалах дневников Люси Хордикайнен и Леры Игошевой) // Историческая ответственность: от мифов прошлого к стратегиям будущего: Сборник научных статей I международной научной конференции 22-23 сентября 2016. / Под общ. ред. Д.А. Томильцевой, И.А. Симоновой. Екатеринбург: Деловая книга, 2016. С.140.

меньшей степени²⁶. Внимательное отношение к дневникам и воспоминаниям демонстрирует другой петербургский историк, известный исследователь блокады Ленинграда, д.и.н., профессор Г.Л. Соболев. Так, в своей двухчастной монографии «Ленинград в борьбе за выживание в блокаде» он помещает выдержки, цитаты из источников личного происхождения в конце каждой главы; историк подчёркивает, что дневники, как и письма, имеют огромное самостоятельное смысловое значение, при этом не выделяя в отдельную группу детские дневники периода блокады²⁷.

Детские военные дневники стоят особняком. В них отличный взгляд на жизнь: в них почти не встречается чувство страха, зато проступают непосредственное любопытство, интерес к жизни и, невзирая ни на что, ожидание лучшего будущего, хотя есть и пессимизм, бессилие, отчаяние, как у взрослых. Опубликованные дневники детей периода военного времени — ценный исторический источник личного происхождения. Данный вид источников важен и значим прежде всего тем, что события трагических дней и лет описываются с точки зрения подросткового восприятия. Глазами, например, Люси Хордикайнен мы видим многие грани жизни в условиях войны, и именно это представляет для историка особую ценность²⁸.

Дневники — субъективные источники, которые позволяют изучать психологические явления и феномены. Они позволяют понять основной спектр историко-психологических проблем вооруженных конфликтов XX в., в том числе и Второй мировой войны. Война, описанная «глазами ребёнка» или «душой подростка» заставляет иначе взглянуть на происходившее и иногда в корне меняет восприятие военной, тыловой или фронтовой

²⁶ Кутузов А.В. Блокада Ленинграда в информационном противоборстве в годы второй мировой войны / Автореферат на соискание учёной степени доктора исторических наук. СПб.: СПбГУ, 2012. С.15-17.

²⁷ Соболев Г.Л. Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. Книга 1. Июнь 1941 — май 1942. СПб.: СПбГУ, 2015. С.10.

²⁸ Пестравская П.А. Проблема исторической ответственности исследователя в изучении детских дневниковых записей периода ВОВ (на материалах дневников Люси Хордикайнен и Леры Игошевой). С.140-141.

действительности. Дневники детей военного времени заслуживают более подробного анализа в качестве основы историко-психологических исследований. Они играют первостепенную роль в воссоздании «живого образа человека» в его неповторимой индивидуальности, дают возможность восстановить атмосферу эпохи, психологический фон событий, без которых немислимо и само их понимание. Именно эти источники позволяют приоткрыть внутренний мир своих создателей, сделать изучение событий прошлого живым, эмоциональным.

Дневники детей военного времени служат примером духовной деятельности подрастающего поколения, свидетельством особенностей человеческой психики. Дети, которые вели дневники, осмысливали происходившие события с эмоциональной стороны, тем самым, не подозревая, они совершали работу, которая позволяла кому-то из них выжить, а кому-то пережить неестественное или невыносимое. Вместе с тем, в текстах встречаются «литературные отступления»; это своеобразные детские размышления на вечные темы, а также описание мыслей, чувств, впечатлений, личные оценки по поводу происходившего в окружавшей действительности.

Важно учитывать в каких условиях создавались детские дневники военного времени, т. к. последние накладывали отпечаток как на форму, так и на содержание этих документов (что закономерно, поскольку каждый исторический источник является носителем социальной информации, «продуктом своего времени»).

Детские дневники, наряду с дневниками взрослых, определяют развитие атмосферы советского общества значительного по времени и сложного по восприятию периода истории нашей Родины — периода Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.)²⁹.

Детские дневники военного времени относятся к тыловому типу источников личного происхождения. Их стилевые особенности во многом

²⁹ Человек в истории. Россия — XX век: Сборник методических материалов. Общество «Мемориал», 2003 // <http://old.memo.ru/d/105765.html> (Дата обращения 15.03.2017).

связаны с социально-демографическими и личностными характеристиками авторов. Велась они в общих тетрадях, как правило, школьных, реже в записных книжках. В ряде случаев встречалось «смыкание» дневниковых записей и воспоминаний, что свидетельствовало о периодичности, с которой автор вёл записи. Важно отметить, что дневники вели дети и подростки, чуткие к приходившим вокруг них событиям. Причём какие-то из них они считали более важными по отношению к другим, предпочитали о них писать в ущерб чему-то другому³⁰.

Ведение дневниковых записей на протяжении длительного периода или всей войны детьми — редкий случай, но он имел место. Детские дневники более последовательные и продолжительные, чем дневники взрослых, которые были заняты вопросами выживания, тогда как эмоциональный мир ребёнка нуждался больше в выплеске эмоционального поля на бумагу. Дневники демонстрируют большую собранность детей и подростков, т. к. последние проявляли незаурядный порядок в введении дневника, всегда проставляли дату и старались занести мельчайшие подробности, касающиеся их жизни.

Дневниковые темы были самыми разными. Их содержание, наряду с мотивами, изложено в отдельном параграфе.

Авторы дневников знали, кто их записи когда-либо прочтут, поэтому многие из них относились с известной долей самокритики в момент занесения заметок. В данном виде источника личного происхождения не встречается брани или нелояльных высказываний; к ним применимы самосохранительные практики, которые были широко распространены у советского населения в период политических репрессий.

Содержание детских дневников во многом зависело от саморефлексии автора, хотя дети были в меньшей степени вынуждены выбирать между этическими дилеммами военного времени.

³⁰ Тажидинова И.Г. Дневники Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.: история повседневности // Вестник архивиста. 2012. №2. С.116.

Дневники служат средством для самопознания: писавшие их невольно обращались к своей судьбе и анализировали её.

Таким образом, дневники детей военного периода выполняли одновременно несколько функций: с одной стороны, они чётко фиксировали события, с другой стороны, предоставляли автору эмоциональную разрядку³¹.

1.2. Мотивы ведения дневников

«Детская книга войны» — это 35 дневников, которые советские дети вели во время Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.). Эти дневники были написаны в блокадном Ленинграде, в концлагерях и гетто, на оккупированной территории и в тылу. Журналисты печатного издания «Аргументы и факты» нашли некоторые из них в десятках музеев, в архивах, в личных архивах авторов дневников. Они подготовили издание, которое вышло к 70-летию Победы (2015 г.).

Отдельные дневники из «Детской книги войны» стали предметом данного исследования, которые были отобраны по принципу изучаемых мотивов. Их авторы Галя Зимницкая, Зоя Хабарова, Рома Кравченко-Бережной, Аня Арацкая, Володя Чивилихин и Владик Бердников фиксировали именно то, на чём останавливался их детский взгляд, не обременяя себя проверкой фактов, а зачастую делая выводы, что называется, «по слухам».

Война глазами подростка — это особое восприятие взрослого мира, в котором устоявшееся понимание мирной жизни с её привычными реалиями деформируется вновь формирующимся опытом выживания в экстремальных условиях постоянной угрозы жизни, голода, потери родных и близких. Меняются ценностные ориентиры, обостряется чувство «справедливости», появляется необходимость осознания собственной позиции по отношению к происходящему. Авторы дневников, ставших предметом нашего

³¹ Она же. Дневники Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.: потенциал источника // Вестник архивиста. 2014. №11. С.111-115.

исследования, встретили войну в возрасте 12-13 лет, поэтому именно на военные годы пришлось становление личности, формирование мировоззрения. «Дневники военных детей — это свидетельства удивительной наблюдательности и беспощадной откровенности, часто невозможной взрослому человеку. Дети замечали явления быта, приметы войны более точно, чем взрослые, лучше реагировали на все происходящие перемены. Их дневники ближе к земле. И потому их свидетельства, их доказательства подчас гораздо важнее для историков, чем дневники взрослых», — пишет писатель Д.А. Гранин в предисловии к первому изданию «Детской книги войны»³².

К вышеуказанным материалам мною были добавлены дневниковые записи Люси Хордикайнен. Дневник Люси Хордикайнен был передан Центральному государственному архиву литературы и искусства Санкт-Петербурга в фонд Юлии Федоровны Тихомировой, матери сестёр Хордикайнен, сестрой Люси Софьей Нуриджановой В 2006 г. в издательстве Санкт-Петербургского государственного университета была издана книга «Жизнь в оккупации. Пушкин. Гатчина. Эстония. Дневник Люси Хордикайнен (подготовка текста, предисловие, комментарии, примечания С. А. Нуриджановой (Хордикайнен))»³³. Материалы этой книги также легли в основу ВКР. Структура дневника Люси Хордикайнен проста: семь тетрадей дневников периода оккупации 1941-1945 гг. (Пушкин — Гатчина — Эстония).

Дневники всех семи подростков композиционно построены лишь в соответствии с хронологией, что, собственно, и соответствует жанру дневниковой записи. Однако для исследования необходим тематический

³² Детская книга войны — Дневники 1941-1945. М.: «Аргументы и факты», «АиФ. Доброе сердце», 2015. — 480 с.

³³ Жизнь в оккупации. Пушкин. Гатчина. Эстония. Дневник Люси Хордикайнен (подготовка текста, предисловие, комментарии, примечания С.А. Нуриджановой (Хордикайнен)). СПб.: СПбГУ, 2006. — 148 с.

анализ и сравнение данных источников личного характера, что позволит сделать необходимые выводы.

Вследствие того, что география событий, описанных в дневниках, охватывает совершенно различные области СССР (от Крыма до Сибири), что социальное положение семей авторов записей весьма неоднородное (от простых рабочих до исторических личностей и знаменитых учёных), дневники не только отражают многообразие взглядов детей на происходящие военные события, но и позволяют масштабно оценить всю картину бедствий огромной страны, пережившей нашествие фашизма.

Чем дневники были для их авторов? Почти в каждом девичьем дневнике есть ответ на этот вопрос: «мой лучший друг» или «мой советчик». Девичьи дневники подростков носят во многом исповедальный характер в силу особенностей пубертатного периода, наложенного на сложность времени военных действий. Подростки-девочки вследствие психологических возрастных особенностей используют дневники не столько для фиксации событий эпохального значения, каковой являлась война 1941-1945 гг., сколько для сокровенных излияний личных чувств, необходимых для душевного комфорта. Обладая к 13-14 годам базовой начитанностью, включающей в себя и произведения сентиментального характера, героини которых обычно ведут дневники, девочки хотят создать и в собственной жизни романтический флёр с помощью такой доступной детали, как дневник. Необходимость в неприкосновенном личном пространстве зачастую и является мотивом ведения дневника. *Зоя Хабарова* начала вести дневник за несколько лет до войны, с 10 ноября 1939 года, когда ей было всего 12: «Я всегда была скрытная, даже в семье чувствовала себя одинокой, мне не хватало родительской ласки, дневник стал моим другом...»³⁴. *Аня Арацкая* в записи от 14 ноября 1942 г. признаётся, что настолько привыкла писать дневник, что страшно переживала невозможность делиться мыслями со своим «немым созданием». Дневник Ани начинается 30 августа 1941 г., а 23 августа, за

³⁴ Детская книга войны — Дневники 1941-1945. С.372.

неделю до этого, город был почти стёрт с лица земли — девочка записывает всё самое сокровенное прямо под пулями, на линии огня. Уже в ноябре 1942 г., начиная по-взрослому осознавать всё, что было пережито, она объясняет необходимость ведения дневника более серьёзными мотивами: «Ну и времена настали, не повторятся больше такие. Надо всё записывать, не то ещё, пожалуй, вспомнишь когда-нибудь — не поверишь»³⁵.

Дневник *Люси Хордикайнен* начат в апреле 1940 г., и мотивы ведения записей здесь определяются этическими и духовными ценностями семьи, отчасти наследуемыми вместе с традициями интеллигентских семей предреволюционного времени. Дружба родителей с И.М. Гревсом, Н.П. Анциферовым (последний был крёстным отцом дочерей Хордикайнена), В.А. Поссе, Р.В. Ивановым (Разумником) и другими выдающимися людьми старшего поколения также характеризует определённый социальный тип, сформировавшийся в первое десятилетие советской власти. Так что дневник Люси — это, скорее, традиция, желание приобщиться к культурной атмосфере семьи. *«Маме удалось внушить нам, что писание дневника — естественная потребность культурного, интеллигентного человека. Хотелось ну хоть в чем-то приблизиться к своему крестному — Николаю Павловичу Анциферову: много читать или вот — писать дневник...»*³⁶, — пишет в предисловии к дневникам сестры Софья Нуриджанова. Вероятно, тема дневников Н.П.Анциферова звучала в его разговорах с родителями.

Однако не только социокультурная среда определяла мотивировку дневниковых записей подростка. Дело в том, что родители девочек были арестованы по делу Центрального бюро краеведения и с 1930 по 1934 г. отбывали ссылку. Софья в комментариях к дневнику сестры пишет: *«К писанию дневника нас подталкивало и одиночество, отъединённость от других детей во дворе и в школе. Годы без родителей наложили грустный*

³⁵ Там же. С.347.

³⁶ Жизнь в оккупации. Пушкин. Гатчина. Эстония. Дневник Люси Хордикайнен. С.5.

*отпечаток на наши души: мы были робкие, неслышные дети*³⁷. К ведению дневниковых записей сестёр Хордикайнен мотивировали и образцы художественной литературы, которая в трудных условиях жизни была отдушиной для детей, помогала сохранять веру в лучшее будущее: *«В тех книгах, которые мы читали, девочки всегда "вели дневник"»*³⁸.

У авторов-мальчиков не наблюдается подобной сентиментальности, их мотивы обусловлены определёнными целями. **Володя Чивилихин** пробует перо: он хочет быть писателем, и дневник — хорошая практика. **Владислав Бердников**, начавший свой дневник в июне 1941 г. 12-летним мальчишкой, превращает его в альбом, в котором отрывочные записи, иногда недатированные, сменяются рисунками или вырезанными из листков отрывного календаря, наклеенными и от руки раскрашенными картинками; тут же куплеты и лозунги: *«За Родину! За Сталина!»*³⁹ К записям Владислав обращается редко, поэтому и системности в них не наблюдается. Эти разрозненные листки, скорее, отражение духа времени и неистовое желание победы над врагом, необходимость зафиксировать важные моменты своей жизни в контексте истории страны. **Рома Кравченко-Бережной** понимает всю опасность обнаружения своих мыслей, доверенных дневнику, на оккупированной немцами территории. Например, в записи от 12 июля 1941 г. он пишет: *«Дневник приходится прятывать поглубже. Теперь за такие «вольнодумные мысли» грозит, чуть ли, не расстрел. Я его прячу под ящик, который приходится поднимать каждый раз с усилием»*⁴⁰. А уже в августе 1941 г. мотивы становятся более осознанными: *«Буду вырезать сводки, касающиеся положения на фронте, и клеивать их сюда. Когда-нибудь*

³⁷ Там же. С.6.

³⁸ Дневник Люси Хордикайнен. Жизнь в оккупации и в первые годы после войны / Молодая Гвардия — <http://www.molodguard.ru/heroes1607> (Дата обращения 20.03.2016).

³⁹ Детская книга войны — Дневники 1941-1945. С.466.

⁴⁰ Там же. С.331.

*разберёмся, а пока надо копить материал...»*⁴¹. К августу 1942 г. у подростка определяется вполне конкретная цель ведения дневника: *«Тетрадь кладу под подушку, буду писать ночью, не хочу пропускать ничего. Может быть, когда-нибудь и мои записки послужат уликой на суде над этими извергами и над их вождем Гитлером — “освободителем”»*⁴². Дневник Роман Кравченко-Бережной закончил за несколько месяцев до освобождения его родного западноукраинского города Кременца. Рома ушёл в Красную армию. Чувствуя, что может погибнуть, сообщил, где спрятал дневник, отцу, который впоследствии передал его Чрезвычайной комиссии по расследованию преступлений нацистов. В 1946 г. его прислали родителям со следующим сопроводительным письмом: *«Задержка с возвращением Вам дневника вызвана обстоятельствами, связанными с Нюрнбергским процессом. С благодарностью возвращаем дневник Вашего сына. Ответственный Секретарь Чрезвычайной Государственной Комиссии (П. Богоявленский)»*⁴³. Этот факт лишний раз подтверждает значимость дневниковых записей военного времени, в которых фиксировались преступления, совершённые не только представителями вражеской стороны, но и соотечественниками.

Необходимо отметить, что тематика исследуемых дневников весьма разнообразна и имеет общие направления: 1) анализ и оценка военных действий на фронтах; 2) действия немцев на территории проживания или временного пребывания автора дневника; 3) обстановка с продовольствием, голод; 4) поведение местных жителей, их реакция на происходящие события, отношение к немцам; 5) учеба и трудовая деятельность детей и взрослого населения в условиях военного времени; 6) мобилизация трудоспособного населения на работы в Германию; 7) сведения о партизанском движении; 8) действия советских руководящих органов, работа средств массовой

⁴¹ Там же. С.334.

⁴² Там же. С.343.

⁴³ Там же. С.330.

информации 9) интересы и личная жизнь подростков; 10) действие религиозных организаций, отношение к вере.

В дневниках детей военного времени переплетается «большое» и «малое»: и анализ событий Второй мировой и Великой Отечественной войны, свидетелями которых дети поневоле оказались, и личные переживания несостоявшихся романтических отношений, разрушенных войной, и хроника поведения общества в условиях оккупации, и детальное описание ужасов военного времени, и, конечно же, констатация страшного голода.

Каждый дневник-документ — это отдельная история. Для военно-исторической науки имеет ценность в том числе и изучение мыслей, чувств, поведения человека в экстремальных условиях войны, т.е. изучение субъективной реальности. Поэтому источники личного происхождения, освещающие психологию личности «изнутри» (письма, дневники, воспоминания), являются ценным материалом для исследования историко-психологических проблем вооружённых конфликтов XX в.

Предметом исследования данной главы стали мотивы написания дневников детьми, среди них можно выделить следующие: дневник — «лучший друг»; излияние личных чувств, необходимых для душевного комфорта; одиночество и ощущение нехватки родительской любви; отсутствие друзей-ровесников; подражание литературным героям, ведшим дневник; желание стать писателем.

Глава II. Тематический анализ и сравнение детских дневников военного времени.

2.1. Анализ и оценка военных действий

Взгляд из оккупированных территорий на военные действия в стране представлен в дневниках Ромы Кравченко-Бережного, Зои Хабаровой и Люси Хордикайнен. Информированность в оккупационных зонах не могла носить официальный характер, поэтому источники информации были весьма разнообразны: это радиоприёмники, которые некоторые хранили вопреки приказам немцев с риском для жизни; это местные газеты; это информация, поступавшая от оккупантов и требующая анализа автора дневника; поведение самих немцев на занятых территориях и, конечно же, свидетельства очевидцев, письма с фронта и самое распространённое средства переноса информации — слухи. Дети пытаются пользоваться всеми доступными источниками, чтобы удовлетворить «информационный голод» и быть в курсе ситуации в стране, поскольку неизвестность и идеологическое давление со стороны оккупантов психологически подавляли население.

Рома Кравченко-Бережной проживал в западноукраинском Кременце, уже с начала войны оккупированном немцами. Главный источник информации для автора дневника — радио, которое он прячет на чердаке. Например, запись от 12 июля 1941 г. явно воспроизводит сводку, полученную по радио: *«В течение двух дней Красная Армия сдерживала напор германских войск. Происходили упорные бои. Довольно долго войска держались на южном участке фронта, включая Кременец»*⁴⁴. В записях Ромы тут же содержится и оценка событий: *«По-видимому, тут был умный командир. Немцев несколько раз отбрасывали. Мы переживали хорошие деньки! Потом, окружаемые с севера, войска вынуждены были отступить. В ночь на 2 июля ушли предпоследние части, взорвав за собой шоссе. Последние части, для того чтобы пройти, должны были засыпать ров. Немцам взрыв*

⁴⁴ Детская книга войны — Дневники 1941-1945. М.: «Аргументы и факты», «АиФ. Доброе сердце», 2015. С.331.

ничуть не помешал. 1 июля мы простились с Советской властью»⁴⁵. Однако уже 4 сентября 1941 г. на страницах дневника мальчик сообщает, что «вывешен приказ — сдать все радиоаппараты. В случае неисполнения — смертная казнь»⁴⁶. Ответить точно на вопрос, сдал ли Рома радио, не представляется возможным, поскольку и в дальнейшем некоторые записи по стилю напоминают сводки информбюро. Есть и другие источники, из которых подросток пытался составить представление о положении дел на фронте. Из дневника узнаем, что в городе выходила местная газета «Крем'янецький вісник» («Кременецкий вестник»), полностью переориентированная на новую власть в городе. В записи от 2 августа 1941 г. читаем: «Вчера вышел номер новой газеты. Она называется «Крем'янецький вісник», но кременецких вестей в ней как кот наплакал. <...> Вся газета занята описанием «більшовицьких мордів», похвалами Гитлеру в компании. С фронта — ни одного слова. Это неудивительно: нельзя же писать об отступлении или неудачах»⁴⁷. Однако Рома просматривает газету регулярно и решает собирать сводки в «Кременецком вестнике», касающиеся положения на фронте, и вклеивать в дневник. Осознавая очевидность господства вражеской идеологии в материалах газеты, Рома Кравченко-Бережной тщательно отбирал факты для своего дневника. Судя по насыщенности материала о положении в городе, он хороший аналитик, поскольку любая информация даёт пищу для его умозаключений и прогнозов. Например, в записи от 25 августа 1941 г. он анализирует информацию, поступившую от оккупантов, которые объявили в городе «угрожаемое положение» по причине высадки 240 парашютистов в городе Шумске. «14 схватили, будут вешать. Остальные натворят дел. Но это еще не все. Вчера парашютисты высадились рядом, в Смыге, а сегодня двух

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же. С.335.

⁴⁷ Там же. С.332.

*парашютистов арестовали в Кременце»*⁴⁸. По дневниковым записям Ромы можно проследить активность действий советских войск, способствовавших освобождению оккупированных территорий. Автор дневника отнюдь не голословен, он оперирует не только фактами, но и цифрами, не забывая давать собственную оценку происходящему. «<...> *Поймал Москву. Слушал последние известия. Армия отступает, но как дорого это стоит немцам! За 29.8 сбито 125 немецких самолетов, большевики потеряли 24. Народ сопротивляется героически»*⁴⁹. Запись от 20 сентября свидетельствует, что немцы заняли Киев и Полтаву, и это автор записей узнал из объявлений, развешанных по всему городу. Следовательно, о своих победах захватчики оповещали население регулярно, воздействуя на оккупированное население в том числе и информацией о своих военных успехах. Многочисленные слухи, порождающие мифы о масштабе фашистской угрозы, тоже находят свое отражение в дневниках Ромы. В записи от 16 октября 1941 г. читаем: «*Может произойти то, что лежит в планах Германии, а именно: Германия до Урала и Россия за Уралом. Но в планах Японии — Япония до Урала. А где же Россия?»*⁵⁰ Панические настроения людей, оказавшихся под гнетом фашистской власти, передаются подростком с большой степенью достоверности. Он фиксирует полученную из устных источников информацию, передает мысли, чувства знакомых, принимая услышанное за бесспорные факты: «*Наш знакомый рассказывал, что немцы подошли уже к минным полям, окружающим Москву. По их словам, Москва защищена такими укреплениями, каких им еще не приходилось видеть»*⁵¹. Однако уже через месяц автор дневника не спешит доверять слухам. Читаем такую запись от 22 декабря 1941 г.: «*Немцев опять колотит на фронте. Даже наша газетка, до чего паршивая, и то поместила сообщение, что, мол, по причине*

⁴⁸ Там же. С.335.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же. С.336.

⁵¹ Там же. С.337.

сильных морозов командованию пришлось изменить тактику ведения войны и в некоторых местах ВЫРОВНЯТЬ ФРОНТ. По слухам, отбиты Харьков, Орел, Курск и многие другие города, но я этому не особенно верю. Идут сильные бои под Севастополем...»⁵². Систематически анализируя военную обстановку на территории СССР, Рома к концу 1943 г. уже приобретает навыки стиля военной журналистики с ярко выраженным субъективным началом. «УРА, ТОВАРИЩИ! Прорыв на Восточном фронте совершен! Я прыгаю от радости. Сообщения последних дней об ожесточённых боях на всём южном фронте выматывали последние нервы. Я понимал, что там прорывают немецкие позиции, где они сосредоточили свои лучшие дивизии СС, куда они бросили своих «тигров», где все вооружены автоматами. Каждый день я спрашивал себя — уже? Ответ был — нет. Сегодня ответ — да, уже!»⁵³.

Дневник *Зои Хабаровой*, семья которой уже в начале войны начала испытывать все тяготы оккупированного населения и переехала из Севастополя в Ялту, весьма подробно отражает обстановку не только в Ялте, но и в Севастополе, и на всем полуострове. По её записям мы можем судить об интенсивности боёв за Севастополь: «А Севастополь всё не сдаётся. Немцы без конца бомбят и бомбят»⁵⁴; «Бомбёжки каждую ночь»⁵⁵; «Бомбить стали еще больше. А земля трясется от бомбежки Севастополя»⁵⁶. Подробно передаёт девочка и процесс отступления наших войск, сдачу позиций в Крыму: «Сегодня видела, как отступают войска. Медленно идет колонна. Солдаты усталые, грязные, в обмотках, грязных ботинках»⁵⁷. Видно, что уже до начала войны (2 июня 1941 г.) в Севастополе

⁵² Там же. С.338.

⁵³ Там же. С.350.

⁵⁴ Там же. С.389.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же. С.392.

⁵⁷ Там же. С.379.

постоянные перебои с электроэнергией. Зоя, как и Рома, сообщает, что приёмники у населения отбирают, лишая возможности получать официальные сводки с фронтов. Из средств массовой информации только репродуктор, к которому Зоя сразу же отнеслась с недоверием. В записи от 5 сентября 1941 г. она пишет: *«Мы теперь можем слушать только репродуктор. Целый день говорят об успехах на фронте и отступают. Говорят, что Кутузов тоже нарочно отступал, чтоб потом разбить Наполеона»*⁵⁸. В октябре ситуация становится совсем очевидной: *«По радио кричат: «Солнечный Крым не отдадим врагу». И вдруг врывается немецкая речь, а потом музыка»*⁵⁹. А к декабрю доступ к официальной информации совсем перекрыт: *«У нас работает радиостанция О.Б.С. — «одна баба сказала». У нас нет ни приёмника, ни радиотрансляции. Живем слухами»*⁶⁰. Однако наблюдательность Зои — лучшее свидетельство происходящего. На её глазах в начале июля 1941 г. советских пленных гонят в Симферополь: *«Когда голова колонны была в Бахчисарае, хвост был еще в Севастополе»*⁶¹. В одном предложении девочка смогла обрисовать всю тяжесть положения советских войск в Крыму в начале войны. Зоя не приводит точных цифр потерь — у неё нет доступа к подобного рода информации, но она подробно описывает всё, что видит своими глазами. *«Сегодня я вышла на балкон посмотреть, как на параде идут немецкие войска. Они шли, высоко поднимая ноги, чеканя шаг. Посмотрела направо на балкон санатория. Вдруг увидела, что парад принимает Гитлер, а рядом Муссолини. Я перепугалась и легла на балконе. Они меня не видели. Гитлер что-то кричал, потом говорил Муссолини»*⁶². Представление о положении на фронтах у девочки складывается из анализа происходящего в городе и рассказов очевидцев из

⁵⁸ Там же. С.378.

⁵⁹ Там же. С.379.

⁶⁰ Там же. С.384.

⁶¹ Там же. С.392.

⁶² Там же. С.380.

ближнего окружения. Бесперебойно работает народное «радио О.Б.С.» В записи от 15 декабря 1942 г. Зоя пишет: *«В городе появилось много немцев из Сталинграда. Моя подруга из Севастополя работает в немецком госпитале. Там очень много раненых и обожжённых. Её отец во время боев был в Севастополе. Он работал в банке и не мог бросить документы и деньги. Потом отправил семью в Симферополь, а сам остался в Севастополе. Рассказывал, как они жили. Люди прятались по пещерам, катакомбам. Продукты были, а воды не было. В Инкермане в пещерах пили и умывались шампанским. Выйти было невозможно, продукты приносили моряки. Моряков сняли с кораблей и отправили в окопы. Немцы боялись моряков, называли их «черная смерть»⁶³. Подобные свидетельства в военное время оказывались достовернее, чем сдержанные, идеологически выверенные официальные сводки. Люди рассказывали увиденное своими глазами. И это фиксировала Зоя во всех подробностях. Одно то, что интенсивность бомбежек, по записям в дневнике, сохранялась вплоть до середины 1944 г., — очевидное свидетельство ожесточённой борьбы за Крым с обеих сторон военного противостояния. Например, в записи от 1 мая 1942 г. Зоя фиксирует: *«Немцы громят Севастополь, а наши Соколы — Ялту»⁶⁴*. Не раз она отмечает, что ожесточённость массированных ударов советской авиации по территории полуострова ничуть не уступает немецкой, и от этого постоянно страдает мирное население — люди гибнут при каждом налёте. Зоя пребывала в шоковом состоянии, когда на её глазах от взрыва разорвало девочку именно на том месте, где была она сама за несколько секунд до произошедшего.*

Дневники Зои и Ромы в подробностях описывают ситуацию на оккупированных территориях, причём ценность взгляда детей именно в отсутствии идеологической составляющей, в искренности и доверительности, свойственной дневниковой манере изложения: они сами

⁶³ Там же. С.396.

⁶⁴ Там же. С.389.

оценивали значимость увиденного или услышанного при отборе событий, приводили в пример свидетельства очевидцев, анализировали слухи, сопоставляли факты.

Ещё один взгляд на военные действия в условиях жизни в оккупации — в дневнике *Люси Хордикайнен*. Военным действиям Люся посвятила совсем немного записей, поскольку знала о них только по бомбежкам.

На страницах дневника, относящихся к 1941 г. отражена реакция членов семьи на войну. В записях 1941 г. впечатления Люси от бомбежек описаны в подробностях: *«В саду дома № 3 роют щель для укрытия от осколков. Мы сидели в щели. В промежутках рыли свою. (...) через каждые четверть часа бегали в большую щель, потому что немцы бросали бомбы. Они летели в почту (совсем рядом с нашим домом) (...). Бомбардировки настолько сильны, что мы переходим в большую щель. Все наши тюки перенесены в нее. Спим мы, скрючившись, или, вернее, только дремлем. Кто занял места раньше, тем хорошо...»*⁶⁵.

1942 г. оказался годом переезда на новую квартиру, что было связано с тактикой немецких войск, объявлявших запретной зоной всё новые и новые кварталы города. Люся пишет: *«Когда мы жили на Колпинской — теперь улица Пушкинская, — то противоположная нашей четная сторона считалась запретной зоной. Теперь запретной зоной стали следующие два квартала. Пришлось искать новое жилище»*⁶⁶.

В 1943 г. в результате бомбёжки ранило отца Люси: он шёл по Петербургской улице, и там разорвался снаряд. Май 1943 г. отмечен частыми записями о массированных налётах советской армии: *«22.V 43. Но вдруг опять самолет, и бомбы стали сыпаться совсем близко. Дом наш трясся. Я, точно сумасшедшая, выскочила в кухню, вопя: “Мамочки! Мамочки!” Напротив нас тоже упала бомба, и несколько человек ранило»*⁶⁷.

⁶⁵ Личный архив Ю.А. Кривулиной. Д. Дневник Люси Хордикайнен. Л.10.

⁶⁶ Там же. Л.23.

⁶⁷ Там же. Л.33

«8 VIII. Ночью стреляли ... Бабушка Дуня пошла на рынок, но вернулась, т.к. там разгоняют, потому что есть жертвы от утренней стрельбы. Я очень боюсь, чтобы это не было причиной для эвакуирования мирного населения»⁶⁸. Люся совсем по-взрослому замечает, что немцы в своей тактике часто применяют «планомерное отступление».

3 сентября она записала в дневнике: «Около шести часов я была в полудремотном состоянии, когда прилетели самолеты. По ним стали стрелять, но безрезультатно. Я открыла окна и вышла в коридор. А бомбы летели непрерывно, всё время ишья, и при этом грохот от зениток. Неприятное ощущение! Эти самолеты улетели дальше, прилетели другие, около семи штук. С них всё время строчили с пулемётов. Было такое впечатление, будто сейчас влетит в дом. Но и они улетели. Теперь мое писание сопровождается взрывами снарядов в запретной зоне, куда, по всей вероятности, попали бомбы»⁶⁹.

А 20 сентября она отметила: «И тут случилось нечто, после которого я могла бы остаться там навсегда. Прилетел русский самолёт и сбросил две бомбы в очень близком от меня расстоянии. Мною овладело одно чувство — бежать! бежать! хотя это могло быть и пагубным. Я прибежала к канаве, в которой обосновалась уже какая-то парочка. (...) Дома все стекла выбило — таинственный полумрак»⁷⁰.

О постоянных бомбежках Люся пишет и в 1944 г., когда появляются на улицах немецкие листовки: «23.4.44. прислали листовку от имени немцев и на немецком языке. Смысл заключается в том, что Гитлер — преступник в политике. Что война проиграна, что немцы потеряли сотни тысяч солдат и положение таково, что война может пойти на немецкой земле и что выход из окончательного разорения Германии и погибания других миллионов немцев

⁶⁸ Там же. Л.53.

⁶⁹ Там же. Л.58.

⁷⁰ Там же. Л.65.

*может быть в окончании войны и отречении Гитлера — подписано «Свободная Германия»*⁷¹.

Ожидание мира сопровождается лишь фиксацией в дневнике официальных сообщений, по которым Люся не решается делать какие-либо выводы. Например, в конце апреля 1945 г. в дневнике такая запись: *«Вчера сообщили по радио, что умер Рузвельт от излияния крови в мозг. Говорят, что на ведении войны это не может отразиться, но на условиях Мира — возможно»*⁷².

Информированность Гали Зимницкой, отказавшейся эвакуироваться из Ленинграда и пережившей страшные годы блокады, носит более официальный характер. Сводки информбюро извещают жителей об основных событиях в ходе войны. В записи от 10 октября 1941 г. читаем: *«Однако наши опять отступают: войска оставили город Орел»*⁷³. А уже в декабре населению несут радостную весть о победе под Москвой. Запись от 27 января 1943 г. полна не только информации, но и переполняющих девочку эмоций: *«Могучий голос Левитана: «Сообщение Совинформбюро. Полное освобождение Ленинграда от вражеской блокады!»*. Вот оно, такое долгожданное и радостное известие. Вечером будет салют! Нет, не могу писать, плачу от счастья»⁷⁴. Однако слухи и обсуждения людей на улицах, в очередях, на работах остаются стабильным источником более подробной информации о жизни в стране: *«Наступление наших войск теперь не остановит до самого Берлина! Все так говорят»*⁷⁵.

Дневник *Ани Арацкой* ведётся прямо с линии фронта в Сталинграде, а потому эти записи — свидетельство очевидца событий, во многом

⁷¹ Жизнь в оккупации. Пушкин. Гатчина. Эстония. Дневник Люси Хордикайнен (подготовка текста, предисловие, комментарии, примечания С.А. Нуриджановой (Хордикайнен)). СПб.: СПбГУ, 2006. С.92.

⁷² Там же. С.143.

⁷³ Детская книга войны — Дневники 1941-1945. С.95.

⁷⁴ Там же. С.120.

⁷⁵ Там же. С.114.

переломивших ход войны. В войну семья Арацких (отец — столяр, мама — домохозяйка), в которой было 9 детей, жили на поливаемой огнём улице у реки, по адресу: 3-я Набережная, дом 45, — недалеко от того места, где сейчас находится Панорама Сталинградской битвы⁷⁶. Текст дневника средней дочери начинается под обстрелами и обрывается уже после того, как мать с детьми вступает в Красную армию. В дневниках Ани много трагических записей о смерти, настигшей ее отца, друзей и близких. Ценной информацией могут служить и записи, сделанные после переправы через Волгу, находившуюся под постоянным обстрелом вражеской авиации. Обстановка в Сталинграде представлена окопной хроникой и детальным описанием военного быта людей, вынужденных жить в окопах. *«Сегодня 30 августа 1942 г. Воскресенье, вот уже целая неделя с того момента, как сидим в окопе, с 23 августа бомбежка, от Сталинграда одни обгорелые камни да жертвы ни в чем не повинных людей»*⁷⁷; *«Сегодня 20 сентября 1942 года, а мы всё еще не вылезли из этого «проклятого» окопа, ровно месяц, как бомбит беспрестанно. Страху насмотрелись всякого, не знаю, мог ли раньше человек пережить всё. Файку Цветкову убило миной»*⁷⁸. И только запись от февраля 1943 г. снимает общее напряжение и ужас от пережитого: *«20 февраля 1943 года. Ура, ура, ура! 3 февраля освободили Сталинград! Немцы полностью уничтожены, и идут длинные вереницы пленных. Противно на них смотреть, идут обмороженные, полураздетые, сопливые. Гады проклятые, а кто вас сюда звал? Так бы и побить их всех. Хочется мстить за Папу, за раненую землю, за раздавленную свою молодость. <...> В огне пожара протекают мои юные годы, без радости и счастья. Мы голодные и холодные, разутые и раздетые»*⁷⁹.

⁷⁶ Там же. С.352.

⁷⁷ Там же. С.353.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Там же. С.352.

Володя Чивилихин живёт в тайге, на маленькой железнодорожной станции в Сибири — война лишь отголосками долетала и сюда. И все-таки записи о военной ситуации на фронтах присутствуют и у него. *«22 июня 1941 года узнал, что фашисты перешли границу (западную) и бомбили Киев, Житомир, Винницу, Каунас и др. Я думаю, что Германия зря сунулась... Всю ночь разносил повестки»*⁸⁰; *«23/10. Наши войска сдали Одессу»*⁸¹; *«9 мая 1945 г. Знаменательный день. Сегодня капитулировала Германия. Войне конец. Возможно, и даже очень, что будет война с Японией. До каких пор народ будут бить?! Кто?»*⁸²

В одной записи пермяка Владислава Бердникова — практически все доступные источники информации о положении на фронтах: *«1.11.41 Наши здорово врезали фашистам под Москвой!!! Об этом и по радио передают и в школе на политинформации»*⁸³.

Практически все авторы дневников пристально наблюдали за поражениями и успехами советских войск.

2.2. Немецкая оккупация глазами детей

Что касается оккупированных территорий, то авторы дневников констатируют множество фактов, свидетельствующих о жестокости и агрессивности немцев и солдат немецкой армии в основном в отношении еврейского населения, большевиков (коммунистов, солдат советской армии) и партизан. Рома Кравченко-Бережной уже в июле 1941 г. пишет про зверское отношение к советским военнопленным. В августе на оккупированной Украине захватчики начинают массовые расстрелы, они их называют «морди». У Ромы расстреляли отца.

⁸⁰ Там же. С.431.

⁸¹ Там же.

⁸² Там же. С.442.

⁸³ Там же. С.467.

В записях подростка от 5 декабря 1941 г., от 6, 11, 21 августа 1942 г., от 24 февраля 1943 г. — сообщения о расстрелах мирного населения.: «5 декабря. Позавчера было опубликовано воззвание гебитскомиссара, в котором он объявляет, что «вынужден был издать в Почаевском районе строгий, но справедливый приговор», в результате чего 80 человек расстреляны за коммунистическую деятельность»⁸⁴. «24 февраля 43 г. Все арестованные, их было до 60 человек, вчера вечером расстреляны. Казнь проводилась на тюремном дворе, операцию видели жители соседних домов. Арестованных заставили раздеться, как это было и при убийстве евреев. Среди обречённых было несколько женщин. Был доктор Р. с женой, она — тоже врач. Её тоже заставили раздеться. Доктор кинулся на гестаповца, вырвал у него револьвер, ударил рукояткой по голове, но в это время другой гестаповец уложил его выстрелом в спину. Во время расстрела раздавались страшные крики.

Город удручён. На улице ни души, ни одна щель не просвечивает. Все ждут: вот — моя очередь...»⁸⁵.

И начиналось всё именно с евреев. Рома пишет, что немцы, испытав какое-нибудь новшество на евреях, немедля переходят и на «свободное» население.

Действительно, судя по записям мальчика, евреев практически истребляли как нацию. Зверства фашистов мальчик описывает во всех подробностях, поскольку у него есть личный мотив следить за всем происходящим: он дружит с девочкой-еврейкой Фридой. Евреи становятся не просто людьми второго сорта — их превращают в «рабов» Германии, заставляя носить унижительную атрибутику, лишая даже естественного права свободно передвигаться по городу. «17 июля 1941. Утром ходил к Ф. В городе висит распоряжение: всем евреям носить на рукаве белую повязку с

⁸⁴ Там же. С.338.

⁸⁵ Там же. С.349.

шестиконечной звездой»⁸⁶; «21 августа. Объявление на еврейском и немецком языках, следующего содержания: с 20 августа евреям запрещается ходить по тротуарам, по причине большого движения. Для них достаточно мостовой. Если еврей встречает на своем пути немца, он должен его обходить на расстоянии 4-х метров. Если это распоряжение будет нарушено, то при первом случае еврейская община обязана будет уплатить 10000 рублей. При повторном нарушении все евреи подвергнутся выселению из города»⁸⁷. Дискриминация еврейского населения, поставленного немцами вне закона, ещё носила сугубо меркантильный характер. Система штрафов за нарушения установленной дисциплины была очевидно грабительской и мародёрской — надо было за счёт кого-то пополнять средства, а евреи всегда считались зажиточной нацией, которая держалась своим единством и общинностью. В записи от 25 июля 1941 г. читаем: «Вчера появился новый «эдикт» против евреев. Сдать все ценности: золото и вообще <...>. В общем, кременецкие евреи должны сдать 8 кг золота. Пополнить золотой фонд Германии»⁸⁸. В ноябрьской записи Рома упоминает о событиях в Ровно, где за один раз уничтожили семь тысяч евреев: «Приказав взять всё ценное, их всех погнали за город, велели раздеваться догола и, отводя к подготовленным уже ямам, бросали вниз, забрасывая гранатами и расстреливая из пулеметов. Земля, которой засыпали ямы, долго еще шевелилась»⁸⁹. В конце января 1942 г. евреи уже не имели права жить на улицах вместе с немцами, для них организовывались закрытые гетто. Мальчик пишет: «Евреям отдан приказ очистить 10 улиц, на которых живут немцы. Это — до 14-го. А в течение следующих 6 недель в городе будет организовано закрытое гетто. В город противно выйти. Люди молча оставляют своё добро. Для них выделены самые грязные, густо заселённые

⁸⁶ Там же. С.381.

⁸⁷ Там же. С.334.

⁸⁸ Там же. С.335.

⁸⁹ Там же. С.337.

улицы. В городе 10 тысяч евреев»⁹⁰. До поры до времени немцы щадили только хороших специалистов: врачей, инженеров, творческую интеллигенцию, но в итоге всех пускали «в расход».

Приведём несколько записей Ромы Кравченко-Бережного, свидетельствующих о зверствах фашистов, надругавшихся над десятками тысяч евреев в оккупированных немцами населённых пунктах. «11 августа 42. Теперь в гетто идёт самый разнузданный грабёж. Грабят «милиция», грабят под её покровительством все, кому не лень. Пройдёт несколько дней, приступят к разрушению гетто. Через несколько месяцев на месте, где жили и волновались семь тысяч человек, будет ровная площадь. Вчера уничтожили евреев в Бережцах. Сегодня гестапо уехало в Почаев и Вишневец. Там сегодня происходит то же, что у нас — вчера»⁹¹.

Мальчик пишет: «21 сентября. Больше полутора месяцев продолжается избиение евреев. Сегодня опять с самого утра со стороны тюрьмы доносятся стук автомата и ружейные выстрелы. Говорят, в тюрьме осталось еще около двухсот человек, специалистов-ремесленников»⁹².

Рома размышляет: «21 августа, 1942. Вчера расстреляли всех, кого накопили в тюрьме. Судить о числе расстрелянных можно только по тому, что после окончания экзекуции из тюрьмы везли пятитонку обуви, машина была заполнена до краёв. Значит, вчера погибла Ф.»⁹³

Зоя Хабарова, находясь на оккупированной территории полуострова Крым описывает в своём дневнике ситуацию с евреями несколько в другом ракурсе. Хотя со стороны немцев по отношению к евреям политика везде была одинакова, однако девочка считает, что люди могли бы спастись, если бы, во-первых, в самом начале войны не были так наивны в отношении

⁹⁰ Там же. С.339.

⁹¹ Там же. С.345.

⁹² Там же. С.347.

⁹³ Там же.

немцев. В записи от 12 декабря 1941 г. читаем: *«Повесили приказ: «Всем евреям собраться в гестапо с вещами в течение 3-х дней». Евреи потащились. Несут кровати, матрацы, ковры, чемоданы. Папа встретил знакомого врача. Говорит ему: «Беги в лес». А тот отвечает: «Нас отправят в Палестину». Папа ему говорит, что везде, где немцы, давно уже всех перестреляли. А тот твердит своё: «Немцы люди культурные, они не обманут, а большевики всё врут». Отец просил его оставить у нас хоть дочь. Но он не хочет»⁹⁴.*

Во-вторых, многие из евреев понимали безысходность своего положения и не оказывали никакого сопротивления: *«И ещё один папин знакомый зашёл прощаться. Адвокат. Прощается и говорит: «Нас всё равно убьют. В лес нельзя, туда без пропуска не пускают. Там только райком, горком и дурачки молодые для охраны. А нас всех бросили на растерзание»⁹⁵.*

В-третьих, анализируя поведение людей, Зоя считает, что *«свои холоуи прислуживают, доносят, выдают евреев и коммунистов»⁹⁶.* В той же декабрьской записи она пишет: *«Сами местные жители, боясь угроз со стороны немцев, становились предателями и выдавали еврейские семьи. Наш бывший сосед еврей работает у немцев. Донёс на маму, что она еврейка, а звезду не носит. Приходил к нам немец с переводчиком болгарин. Мама ведь и по паспорту болгарка. Дед мой чистый болгарин, а бабушка русская. Они успокоили соседа»⁹⁷.* Исходя из дневниковых записей Зои можно сделать вывод, что местное население в Крыму не подвергалось такому геноциду, как на материковой части Украины. Украинцы, болгары, русские, особенно если они были образованны и принадлежали к интеллигенции, не испытывали на себе планового уничтожения. Однако во многом это зависело

⁹⁴ Там же. С.382.

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ Там же.

и от того, какие части немцев располагались на данной территории. Если это были боевые подразделения, то мирное население не подвергалось таким зверствам, как со стороны гестапо, задачей которых было уничтожение советского населения. Особенно коммунистов (служащих в армии или нет) немцы истребляли беспощадно на любой территории. Уже 25 июня 1941 г. Зоя Хабарова пишет: *«25 июня. У Нэльки забрали отца. Он комиссар. У Тани тоже»*⁹⁸. Передаёт Зоя и слухи, которые быстро распространяются на полуострове: *«В городе военных еще больше. Неужели немцы придут? Говорят, в тех местах, где они захватили, идут расстрелы. Людей сажают в машины и пускают газ»*⁹⁹.

То, что на территории Ялты тоже организовано гетто, Зоя отмечает в своём дневнике: *«24 декабря. Вчера была облава. Папа шёл из поликлиники, когда его схватила полиция. Хватали только мужчин и сгоняли в гетто»*¹⁰⁰. Однако позиция Зои очевидно прослеживается: девочка считает, что народ страдает во многом от собственных предателей. В записи от 19 декабря 1941 г. читаем: *«Вчера весь день в Массандре бил пулемёт. Расстреливали евреев. Говорят, маленьким детям мазали губы ядом, и они сразу умирали. Бабушки тоже убили. Расстреливали наши подонки, а командовали 2 немца. Кто-то сумел убежать. У мамы в санатории работал садовником один придурок. Как пришли немцы, он подался в гестапо. Потом ходил по улицам, всем угрожал. Вот такие гады и убивают своих. Ну ничего, им всё отплатится»*¹⁰¹. О том, что карателями работали многие из местных жителей Украины, пишет в дневнике и Рома Кравченко-Бережной, когда описывает расстрелы евреев.

⁹⁸ Там же. С.376.

⁹⁹ Там же. С.378.

¹⁰⁰ Там же. С.383.

¹⁰¹ Там же.

Заслуживает внимания тот факт, что в записях Зои Хабаровой подробно описано отношение немцев к их семье. Отец-стоматолог оказывал медицинскую помощь и солдатам немецкой армии, куда входили не только немцы, но и представители всех покорившихся Гитлеру стран. Зоя пишет об их человеческом отношении и даже помощи во время жесточайшего голода. Вывод девочки таков: никто из них не хочет воевать. 6 января 1942 г. она пишет. *«У мамы сегодня День рождения. Приходил Мариан. Он едет в Симферополь. Спросил адрес дяди Вали и взял папиросную бумагу и мыло, чтоб сменять в деревне на продукты. Удивительно. Немцы воюют, а он помогает русским. Значит, не все солдаты гады. Мариан много рассказывает о Вене, проклинает войну и хочет скорее домой»*¹⁰². А вот запись от 18 января 1942 г.: *«Винко ходит к нам, как ходил Мариан. Приносит продукты. Винко — высокий, с очень голубыми глазами и всё напевает: «И кто его знает, чего он моргает». У него есть невеста русская, зовут её Наташа, живёт в Алуште. Говорит, что хочет уехать в Югославию и уйти в партизаны. Немцев терпеть не может»*¹⁰³.

В воспоминаниях Люси Хордикайнен не осталось кровавых сцен расстрелов, повешенных гатчинцев; для неё время в Гатчине было «сплошным выживанием», но это был «некий мирный островок в море войны». Немцы установили свой оккупационный порядок в Гатчине и жители без энтузиазма, но принимали эти правила проживания, а немцы не проявляли себя карателями, а, скорее, наоборот, хотели показать себя спасителями от большевиков. По свидетельству Юлии Александровны, немцы не разрушили городскую инфраструктуру, сменили вывески и приспособили старый порядок к своему. В дневнике девочки описывается отношение к немцам, например, эпизод с кражей хлеба из дома, когда мать обратилась к коменданту с жалобой на воров: *«В этот же день, часов в 11, заезжают к нам два тирольца. Мама с ними беседует. Старшему из них 34*

¹⁰² Там же. С.385.

¹⁰³ Там же.

года, а второму — 28. Мне больше понравился старший. Он женат и имеет дочь четырех лет. Они, почти как все немцы, показывают свои фотографии. Я, к сожалению, их не видала. Мама рассказала им историю хлеба. Первый австриец заинтересовался. Я забыла написать, что оба они относятся к полиции, состоящей при коменданте»¹⁰⁴. Будучи уже в Эстонии, Люся приводит сцену разговора с одним немцем, который, общаясь с ней, говорит о том, что среди них есть и хорошие люди, и нелюди. Однако есть записи и такого характера «В эту же зиму в Пушкине <...> немец на улице велел мне снять валенки. Бабушкины, большие, серые, подшитые. До дому я добежала в носках»¹⁰⁵. Когда в Тарту девочки видят, как немцы бегут от наступления русских, они говорят: «Мы не можем вас любить, но и ненавидеть не можем. Вы много сделали нам плохого, но мы желаем вам хорошего»¹⁰⁶.

Действия немцев на линии фронта, описанные в дневнике Ани Арацкой, — это непрерывные бомбёжки и обстрелы как наземного характера, так и с воздуха. Особенно трагичное впечатление оставляют записи о переправе на другой берег Волги в ночное время. Здесь описываются боевые действия в районах Сталинграда, отражающие известные факты истории.

Дневники Володи Чивилихина и Владика Бердникова не могут служить свидетельством по данной теме, поскольку дети во время войны проживали на территориях, далеких от боевых действий и не подвергшимся оккупации вражеских войск.

2.3. Трудовая деятельность детей и взрослых в условиях

¹⁰⁴ Личный архив Ю.А. Кривулиной. Д. Записная книжка С.А. Нуриджановой, сестры С.А. Кривулиной. Л.58.

¹⁰⁵ Там же. Л.50.

¹⁰⁶ Там же. Л.62.

Необходимо отметить, что трудовая деятельность населения в годы войны, по свидетельству детей, являющихся авторами дневников, весьма насыщена, причем почти на равных работают и взрослые, и дети. Володя Чивилихин живёт вдалеке от линии фронта, в далеком таёжном городке нет бомбёжек, однако голод и нужда заставляют работать всех, большей частью на полевых работах. Володя с матерью ездят за многие километры копать на полях картошку, и это, не исключая основной работы. В записи от 30.7.43 г. Володя пишет: *«Давно не писал. Время не позволяет. Сдал все зачёты на «отлично». С 6-го по 22-е были в военном лагере. <...>. 8 дней убирал покос. Пришёл к начальнику.. Направил работать в депо. Не знаю куда: или кочегаром, или учеником слесаря или токаря»*¹⁰⁷. Володя в свои 14 лет работает в депо учеником слесаря-экипажника, но почти в каждой записи — о голоде и нужде, о работах по уборке картофеля, «второго хлеба». Почти такая же ситуация у Владика Бердникова. В декабре 1944 г. он решил идти на завод и переводиться на вечернее отделение, поскольку каждому рабочему по карточке хлеба полагалось 800 гр., и это была ощутимая помощь семье. В феврале 1945 г. Владик пишет: *«Февраль 1945 г. Наконец-то, работаю. Выдали мне телогрейку, штаны, кирзовые ботинки на войлочной подошве. Изделие у нас — с ним надо осторожно-преосторожно, особенно когда на тачке перевозишь от участка к участку. Меня перевели в КБ чертёжником. Но карточки по-прежнему получаю рабочие. Начальник надо мной Борис Соломонович Тарасюк — эвакуированный одессит. Весёлый, добрый. Всегда поможет, подскажет. Но и требовательный, особенно когда чертежи на копировку готовятся»*¹⁰⁸. Кадровый голод заставлял мобилизовать на заводы 14-летних детей, о чём и свидетельствуют записи Владика Бердникова.

Ане Арацкой пришлось вместе с сёстрами пойти в Армию по вольному найму прачками, чтобы хоть как-то поддержать мать и 6-летнюю сестру после эвакуации из Сталинграда. 14 ноября 1942 г. Аня пишет: *«Служба*

¹⁰⁷ Детская книга войны — Дневники 1941-1945. С.436.

¹⁰⁸ Там же. С.468.

была нелёгкая, мы долбили мёрзлую землю, стирали в ледяной воде, натягивали палатки, пилили лес, ходили в наряд. Тяжело всем, главное, у нас была крыша над головой, жили в палатках, были обуты и кормили нас»¹⁰⁹. Постоянно перемещаясь с места на место в поисках пристанища и работы, семья Арацких, состоящая из пятерых детей и матери (отца убило ещё в Сталинграде), переболела мышинным тифом — туляриимией. «Помню, что 29 ноября я заболела первая, а потом Тоня, Лида, Мария, Мама и Виктор. Болезнь эта очень тяжёлая, температура очень высокая и бред, бред, бесконечный бред. 13 декабря наша часть двинулась в путь. Шли пешком, ехали... нас больных тоже взяли и везли на лошадях, была страшная пурга»¹¹⁰. В условиях голода и холода, отсутствия крыши над головой, болезнь протекала тяжело, но семья всё-таки выжила, и Аня с сестрой Тоней опять устраиваются вольнонаёмным: «7 марта 1943 года. После того как уехал Витя, мы с Тоней устроились работать в БАО (батальон авиационного обслуживания) прачками. Работа очень тяжёлая. Да и когда нам приходилось так помногу стирать руками. Ведь в армии мы стирали машиной. Выстирать надо было одним куском 120 штук белья. Девочки, которые работают давно, всё это делают свободно, им и мыла хватает, и руки они не растирают. А у нас все руки в сплошных ранах и мыла хватает только на несколько штук белья. Стираем медленно, отстаём ото всех, нет умения. Стираем в одном общем большом деревянном корыте»¹¹¹.

В блокадном Ленинграде Галя Зимницкая, как и другие подростки, очень хочет помогать взрослым, родителям, которые остались работать на заводе, отказавшись от эвакуации. 28 июня 1941 г. девочка пишет: «При ЖАКТе (в доме у станции Ланская, где музей-квартира В.И. Ленина) оборудовали комнату под медпункт. Из медикаментов пока есть только бинты, вата и йод. Здесь также организовали дежурства, в которые

¹⁰⁹ Там же. С.360.

¹¹⁰ Там же. С.362.

¹¹¹ Там же. С.368.

включили и нас — девочек. Врач Екатерина Александровна (мать моей подруги Нади Рыбаковой) ведёт санитарный кружок. Учит нас оказывать первую помощь раненым. Мы перевязываем друг друга»¹¹². Уже в октябре 1941 г. Галя с подругами ходят по госпиталям, пытаюсь предложить свою помощь, но из-за возраста их не берут. «Потом пошли в третий большой госпиталь, который разместился в Лесотехнической академии. Наконец, удача — нас согласились взять писарями, так как многие раненые не могут сами писать письма». Иногда детям дают несложную работу: скручивать бинты, вымыть посуду, за это девочек кормят. «Медсестра уговаривает нас поесть, говорит, что хлеб остается от пайка тяжелобольных или умерших. Но мы не поддаемся, хотя есть очень хочется. Боимся, как бы не подумали, что мы ходим в госпиталь из-за еды»¹¹³. Галя очень рада, когда вместе с другими подростками в сентябре 1942 г. ей удаётся стать ученицей фабрично-заводского училища на фабрике. Работа несложная — сколачивать ящики, но и это детям даётся огромным трудом. А уже в октябре девочка вместе с другими подростками и взрослыми — на оборонных работах: «8 октября. 42 Не прошло и недели, а я уже на оборонных работах. Из нашего ФЗО пока направили сюда восемь человек. Работаю на строительстве ДОТа в бригаде с совсем незнакомыми людьми. ДОТ строим на набережной Большой Невки у моста Свободы. Мы, четверо девчат, ломami выковыриваем из панели каменные плиты и переносим их на носилках к месту будущего ДОТа. С работой нас торопят, так как не за горами заморозки и зима. <...> Что касается взрослых, то помимо непосредственных обязанностей на производстве, рабочие направлялись в похоронные команды»¹¹⁴. В записи Гали Зимницкой от 7 декабря 1941 г. читаем: «Встретила в булочной Люсю Курьяк. Она сказала, что её отца направили от завода работать в

¹¹² Там же. С.91.

¹¹³ Там же. С.96.

¹¹⁴ Там же. С.110.

похоронной команде. В городе есть квартиры, где лежат неубранные покойники. Особенно много таких квартир в центре города»¹¹⁵.

На оккупированных территориях советские граждане тоже продолжали работать, но уже большей частью на немцев. Рома Кравченко-Бережной делает запись 22 февраля 1942 г.: *«с 16-го числа работаю на фабрике гребешков. Работа очень противная, пыль такая, что, выйдя оттуда, я похож на пекарского помощника. Кроме того, ужасный визг и шум. Впрочем, ничего, выдержу»¹¹⁶. А в октябре 1942 г. он уже зарегистрирован в арбайтсамте: «22 октября 42 г. <...> имею «аусвайс», казалось бы — всё в порядке, но всё равно трясусь. Узнал, что для всей нашей школы приготовлены карточки, их будут рассылать на днях. Так что настроение собачье. Такая карточка — всё равно, что смертный приговор»¹¹⁷. Опасения подростка вызваны тем, что имеющим документ от немцев («аусвайс») объявляли о мобилизации молодёжи на работы в Германию. Вот как Рома описывает реакцию немцев на отказ людей отправляться в Германию: *«Недавно была объявлена мобилизация на работы в Германию. Проведена она преимущественно среди сельской молодёжи, и вот каковы её результаты и последствия: молодёжь скрывается в лесах, присоединяется к партизанам. В Германию никто не едет. Но последствия трудно описать. В села, не доставившие назначенного числа людей, приезжают ландвирты (дословный перевод — хозяева земли (русской) с карательными отрядами. Придя в село и не найдя там никого, достойного внимания, они забирают всё достойное внимания, а село поджигают»¹¹⁸. И тем не менее эшелоны с рабочей силой отправляют в немецкие села, где с людьми обращаются, как с рабами или скотом. В записи от 20 октября 1942 г. читаем: *«В последнее время резко сократилось число писем от высланных в Германию. Последние***

¹¹⁵ Там же. С.99.

¹¹⁶ Там же. С.339.

¹¹⁷ Там же. С.348.

¹¹⁸ Там же.

письма очень похожи по тексту: «больше писем от меня не ждите, увидитесь со мной тогда, когда с бабушкой и бабушкой». А бабушка и бабушка уже давно «в раю». Люди, возвращающиеся оттуда — убежавшие или отосланные по болезни (тем особенно повезло), — рассказывают ужасы: рабочие мрут от голода»¹¹⁹.

На оккупированной территории Крыма немецкие власти тоже ведут работу по отправке в Германию самой трудоспособной молодой части населения. Однако в записях Зои мы узнаём о деталях отбора молодёжи, потому что девочка сама ходила на комиссию. В сентябре 1942 г. она пишет: *«5 сентября. Меня вызвали на комиссию. Забирают в Германию девчонок. У Люси живёт на квартире немец. Мы плачем, а он нас успокаивает. Люську не возьмут, она по документам немка. А мы с Лилькой попадём. Дядя Ганс нам сказал, что даст адрес, и мы поедem к его жене»¹²⁰.* Однако Зое удалось миновать рабской судьбы. Это получилось не только с помощью справки, по которой Зоя получила 3 группу, которая обеспечивала более щадящие сельские работы (могли дать 1 или 2 группу, после чего людей отправляли на работы в подземные заводы, на шахты и химическое производство), но и в результате разговора с немецкими врачами: *«Я пошла, за столом сидят три немца — врачи. Тот, что посредине, лысый, розовый, с голубыми глазами, просит показать руки. А у меня маникюр. Он спрашивает: «Что ты умеешь делать?» Я ответила: «Играть на пианино». Он: «А что ты играешь?» Я: «Больше всего люблю Штрауса». Он: «А кто твой папа?» Я: «Врач». Он взял мои документы, перечеркнул и написал: 5-я группа. Значит, освобождена. Ещё спросил, откуда я знаю немецкий язык. Я сказала, что у меня была немка-гувернантка. Он пожелал мне успехов, и я ушла. Ольга и Лиля работают. Им Германия не грозит. А мне повезло»¹²¹.* Но в условиях военного времени детям и в оккупации приходилось всем работать: таскать

¹¹⁹ Там же.

¹²⁰ Там же. С.403.

¹²¹ Там же.

уголь, дрова, надо было привыкать к трудностям. *«5 марта. Вчера я пошла за углём, набрала полный ящик. Везла на тележке. Уже на Санаторной оторвалось колесо. Я никак не могла сдвинуть. Подошёл хорват, спрашивает: «Тяжко?» Говорю: «Тяжко». Он помог донести ящик, затем познакомился с папой. Говорит: «Зачем же такой ребёнок тащит так тяжко?» Папа ему сказал, что надо привыкать к трудностям. Ей надо всё уметь, научиться преодолевать трудности, ведь может быть ещё хуже. Хорват только сказал: «Проклятая война» — и ушёл»¹²².*

Огромный трудовой опыт приобрели дети в условиях Великой Отечественной войны, где бы они ни находились, и все понимали, что любая работа на благо Родины и семьи не так тяжела, как рабская работа на врага.

По дневниковым записям детей военного времени можно изучить активность действий советских войск, способствовавших освобождению оккупированных территорий, ведь наблюдательность — лучшее свидетельство происходящего. Авторы дневников подмечают полученную информацию посредством анализа происходящего в городе и из различных устных источников, передавая мысли, чувства знакомых по поводу продвижения войск Красной Армии. Подобные свидетельства в военное время оказывались более достоверными и сдержанными, чем идеологически выверенные официальные сводки.

Представители младшего поколения устанавливают множество фактов, свидетельствующих о жестокости и агрессивности немцев и солдат немецкой армии в отношении еврейского населения, большевиков (коммунистов, солдат советской армии) и партизан. Действительно, потери данных слоев населения значительны, и такие факты дети не могли упустить из виду.

Необходимо помнить, что и дети работали на различных предприятиях (в том числе и немецких), как и их старшие члены семьи. Иногда подрастающему поколению дают несложную работу, и их либо кормят за труд, либо они зарабатывают на еду для своих домочадцев, чтобы хоть как-то

¹²² Там же. С.388.

выжить. Всё это дети не обделяют вниманием, подробно описывая свои трудовые повинности.

Заключение

Дневники детей военного времени — исторический источник с огромным потенциалом. Сами, представляя собой в каком-то смысле феномен, они служат той самостоятельной гранью человеческого восприятия, которая стремится к объективному освещению краеугольных событий нашей недавней истории.

В Выпускной квалификационной работе были изучены и сопоставлены между собой дневниковые записи семерых детей и подростков: Люся Хордикайнен, Галя Зимницкая, Зоя Хабарова, Рома Кравченко-Бережной, Аня Арацкая, Володя Чивилихин и Владик Бердников.

Авторы дневников встретили Великую Отечественную войну (1941-1945 гг.) в возрасте 12-13 лет, в период становления личности и формирования мировоззрения; в этот период дети, точнее подростки, острее реагируют на происходящие перемены, активно меняются сами. Можно с большой долей уверенности сказать, что военные действия глазами подростков — это особое восприятие мира взрослых, в котором привычное понимание «мирной жизни» с её привычным ходом вещей изменяется вновь формирующимся опытом выживания в экстремальных условиях постоянной угрозы жизни, голода, потери родных и близких.

Такие свидетельства нередко гораздо важнее для историков, чем дневники взрослых. Дети пишут, размышляют, анализируют ... как взрослые. Но вместе с тем, они остаются незащищёнными, во многом неспособными осознать реальность (поэтому копируют поведение старших), а сами, невольно, остаются детьми. Детскость выдают строки, написанные ими. Например, Люся Хордикайнен более всего на свете ждала «Мира». Почти все дети писали, называя родителей, используют заглавные буквы: «Мама», «Отец».

Было обращено внимание на взаимосвязь территориальной близости к фронту и описываемых событий, вследствие чего было установлено, что более далёкое нахождение детей от немецкой угрозы делало их жизнь в военный период времени больше похожей на жизнь без войны, и, напротив,

чем в более плотное кольцо неприятеля был зажат тот или иной автор дневника, тем больше у него обострились чувства, которые он изливал на его страницах.

Детские дневники периода Великой Отечественной войны — это серьёзный анализ происходящего не в ставках командующих, не в кабинетах советских чиновников, не даже в идеологически ангажированных властью средствах массовой информации, а в сознании той группы населения, которая уже была умственно способна к анализу, но при этом не испытывала страха от осознания последствий правдивого взгляда на происходящее.

Особого анализа потребовала восприимчивость детской памяти к событиям Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.). Вновь подрастающее поколение видело все тяготы военного времени, знало цену жизни, ненавидело предателей, училось быть стойким и выживать порой в невыносимых условиях.

Каждый дневник-документ — это отдельная история. Для военно-исторической науки огромную роль играет углубление внимания на мыслях, чувствах, поведении человека в экстремальных ситуациях войны. Из этого можно сделать вывод, что источники личного происхождения, открывающие нам психологию личности «изнутри» (письма, дневники, воспоминания), являются ценным материалом для исследования историко-психологических проблем вооружённых конфликтов XX в.

Главным сюжетом Выпускной квалификационной работы является анализ мотивов детских дневников.

Мотивы в исследовании детских дневников военного времени — основополагающие стержни. Они позволили выделить внутренний стимул детского и подросткового восприятия действительности. Среди мотивов были отмечены такие, как дневник — «лучший друг»; излияние личных чувств, необходимых для душевного комфорта; одиночество и ощущение нехватки родительской любви; отсутствие друзей-ровесников; подражание литературным героям, ведшим дневник; желание стать писателем.

В детских дневниках военного времени переплетаются не только значимые события истории и ужасы войны, но и различные душевные переживания героев (например, романтические отношения, «поломанные войной»), а также очерки поведения общества в оккупационных условиях, и, конечно же, свидетельства страшного голода.

Важно отметить, что тематика изученных дневников обширна, но вместе с тем были выделены схожие направления. Среди них: 1) анализ и оценка военных действий на фронтах; 2) действия немцев на территории проживания или временного пребывания автора дневника; 3) обстановка с продовольствием, голод; 4) поведение местных жителей, их реакция на происходящие события, отношение к немцам; 5) учёба и трудовая деятельность детей и взрослого населения в условиях военного времени; 6) мобилизация трудоспособного населения на работы в Германию; 7) сведения о партизанском движении; 8) действия советских руководящих органов, работа средств массовой информации 9) интересы и личная жизнь подростков; 10) действие религиозных организаций, отношение к вере.

В небольшой по объёму Выпускной квалификационной работе не представлялось возможности подробно их проанализировать, сопоставить или сравнить. Вместе с тем, основное внимание было обращено на мотивационное начало дневниковых записей детей (в первой главе), а подробному анализу были подвергнуты военные действия, поведенческая линия немецких оккупантов на территории СССР и каждодневная деятельность, а именно учёба и труд (во второй главе).

Список использованных источников и литературы

И. Источники

1.1. Неопубликованные источники:

1. Личный архив Юлии Александровны Кривулиной (ур. Хордикайнен), С.-Петербург (1922-2012), 504 ед. хр.: 1) Д. Дневник Люси Хордикайнен. Л. 1-89; 2) Д. Записная книжка С. А. Нуриджановой, сестры С.А. Кривулиной. Л.1-78.
2. Интервью с С.А. Нуриджановой. 8 декабря 2016 г., Санкт-Петербург. Л.1-3.

1.2. Опубликованные источники:

1. Детская книга войны — Дневники 1941-1945. М.: «Аргументы и факты», «АиФ. Доброе сердце», 2015. — 480 с.
2. Жизнь в оккупации. Пушкин. Гатчина. Эстония. Дневник Люси Хордикайнен (подготовка текста, предисловие, комментарии, примечания С.А. Нуриджановой (Хордикайнен)). СПб.: СПбГУ, 2006. — 148 с.

II. Литература

1. Агеева В.А. Волвенко А.А. Война и судьбы детей: по страницам личного дневника военного времени М.Е. Галах-Муравьевой // Вестник Таганрогского института имени А.П. Чехова. 2014. № 2. С. 323-328.
2. Герои терпения. Великая Отечественная война в источниках личного происхождения: сб. документов / Ред.-сост. И.Г. Тажидинова. Краснодар: Изд-во «Диапазон-В», 2010. — 240 с.
3. Голубцов В.С. Дневники, воспоминания, переписка // Источниковедение истории СССР. М., 1973. С. 522-540.
4. Кутузов А.В. Блокада Ленинграда в информационном противоборстве в годы второй мировой войны / Автореферат на соискание учёной степени доктора исторических наук. СПб.: СПбГУ, 2012. — 41 с.
5. Никадимов Д.А. Образовательная политика немецких оккупантов на юге РСФСР в годы Великой Отечественной войны: современная историография // Там же. 2016. № 2. С.228-233.

6. Пестравская П.А. Проблема исторической ответственности исследователя в изучении детских дневниковых записей периода ВОВ (на материалах дневников Люси Хордикайнен и Леры Игошевой) // Историческая ответственность: от мифов прошлого к стратегиям будущего: Сборник научных статей I международной научной конференции 22-23 сентября 2016 г. / Под общ. ред. Д.А. Томильцевой, И.А. Симоновой. Екатеринбург: Деловая книга, 2016. С.139-146.
7. Пушкарева Н.Л. История повседневностей и микроистория / Теория и методология истории: учебник для вузов / Отв. ред. В. В. Алексеев, Н.Н. Крадин, А.В. Коротаев, Л.Е. Гринин. Волгоград: Учитель, 2014. С. 312-334.
8. Реброва И.В. Великая Отечественная война в мемуарах: историко-психологический аспект (на материалах Краснодарского края) / Автореферат на соискание учёной степени кандидата исторических наук. СПб.: СПбГТУ. — 22 с.
9. Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М.: Изд-во РОССПЭН, 1999. — 347 с.
10. Она же. Фронтовое поколение: 1941-1945 гг. / Историко-психологическое исследование. М.: Изд-во ИРАН, 1995. — 220 с.
11. Она же. Человек на войне / Историко-психологические очерки. М.: Изд-во ИРАН, 1997. — 232 с.
12. Соболев Г.Л. Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. Книга 1. Июнь 1941 — май 1942. СПб.: СПбГУ, 2015. — 217 с.
13. Тажидинова И.Г. Дневники Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.: история повседневности // Вестник архивиста. 2012. №2. С.114-127.
14. Она же. Дневники Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.: потенциал источника // Там же. 2014. №11. С.110-116.
15. Фурсина Н.О. Практика устной истории: детские воспоминания о Великой Отечественной войне // Вестник Таганрогского института имени А.П. Чехова. 2016. №1. С.280-286.

III. Интернет-ресурсы

1. Дети войны. Народная книга памяти / Под ред. В. Шервуда — <http://coollib.net/b/311993>. (Дата обращения 25.03.2017).
2. Книга памяти [по годам]. Народная летопись Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.) — <http://www.patriot-izdat.ru/memory/> (Дата обращения 25.10.2016).
3. Дневник Люси Хордикайнен. Жизнь в оккупации и в первые годы после войны / Молодая Гвардия — <http://www.molodguard.ru/heroes1607> (Дата обращения 20.03.2016).
4. Человек в истории. Россия — XX век: Сборник методических материалов. Общество «Мемориал», 2003 — <http://old.memo.ru/d/105765.html> (Дата обращения 15.04.2017).

ПРИЛОЖЕНИЕ

**Интервью с С.А. Нуриджановой, сестрой Ю.А. Кривулиной,
8 декабря 2016 г., Санкт-Петербург**

Интервьюер. На чём акцентировалось внимание во время жизни в оккупации?

Нуриджанова С.А. На самой жизни. Нам, девочкам, как и двум братьям, было интересно общение со сверстниками и сверстницами. Хотя мы, девочки, больше держались общения с девочками. Общения с мальчишками нам хватало и дома, т.к. у братьев были разные характеры, возраст, и на этой почве были часты разногласия. Бабушка нас просила не огорчать маму и папу, поэтому мы рано повзрослели. У нас как бы и не было детства. Мы выполняли постоянно какие-то обязанности, т.к. за них должны были отчитываться перед мамой. Папа был очень мягким, старался нас баловать, любил очень. Но он всегда был на работе. А потом он погиб. Мама была его полной противоположностью. Она была строгая, никогда не говорила ласковых слов. Она как бы отстранялась от нашего детского мира. Предлагала нам вести дневник, чтобы у нас у каждой был "свой друг", как она говорила. Мы не обсуждали в семье каких бы то ни было тем. Поэтому нам было важно понять, как многие вещи происходили в других семьях, других домах. Мы учились в этот период самой жизни, но на других примерах. Родители привили нам любовь к книгам и страсть к путешествиям. Мы мечтали, что кончится война, и наступит совсем другая жизнь — не только мирная, а другая — другая для нашей семьи.

Интервьюер. Каково ее отношение к немцам, когда произошла оккупация именно нашей территории?

Нуриджанова С.А. О том, что территория принадлежала Советскому Союзу, мы, дети, даже не догадывались. Ведь местное население говорило на родном языке, совершало религиозные обряды по своим традициям. Люди боялись всего — это мы понимали из разговоров старших членов семьи, а еще потому, что отдельные хозяева даже при большой необходимости на

работу брали себе в хозяйство с большим подозрением. Все казалось каким-то отстраненным и чужим.

Интервьюер. Ожидали ли войну?

Нуриджанова С.А. Мы знали о событиях в Европе. У папы были знакомые, которые к нам приезжали, и они подолгу о чем-то говорили за закрытыми дверями. Детей не пускали во взрослую жизнь, это было не принято. О войне с нами скорее говорила бабушка.

Интервьюер. Немцы для Вас кто — избавители от Советского строя или же оккупанты?

Нуриджанова С.А. Советский Союз — это наша Родина. Мы ждали и верили, что она будет свободная от фашистов. Хотя если меня спросить, кто я по национальности, то я затруднюсь с ответом. В нас с сестрой течет прибалтийская кровь от папы, еврейская от мамы и еще много разных кровей. Это очень хорошо. Дает повод много размышлять и писать книги на закате жизни.